

УДК 343.14

В.А. ЛАЗАРЕВА,

доктор юридических наук, профессор,

М.Ю. ЖИРОВА,

кандидат юридических наук, старший преподаватель

Самарский государственный университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В СВЕТЕ СПЕЦИФИКИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

В статье рассмотрены существующие в науке уголовного и гражданского процессов концепции доказывания с точки зрения того, какие из них наилучшим образом позволяют понять суть доказывания в делах частного обвинения. Выявлено, что правом собирания доказательств в таких делах обладают все участники процесса, наделенные статусом стороны, а к собираемым ими доказательствам не могут предъявляться те же требования, что и к доказательствам, собираемым официальными участниками в делах публичного обвинения.

Ключевые слова: частное судебное преследование; уголовное судопроизводство; гражданский процесс; формирование из доказательства; антагонистический символ судебной процедуры.

Действующий закон предусматривает особый порядок возбуждения и рассмотрения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116 и ч. 1 ст. 128.1 УК. Поскольку по таким делам предварительное расследование не проводится, они представляют собой уникальное явление российского уголовно-процессуального права, которому свойственны как общие проблемы теории доказывания, так и обусловленные специфической правовой природой указанной категории дел.

В науке уголовного процесса наиболее широкое распространение получила точка зрения, в соответствии с которой доказывание представляет собой познавательную деятельность, осуществляемую исключительно органами расследования и судом по собиранию, исследованию и оценке фактических данных об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу. По мнению сторонников данной концепции, процесс закрепления обнаруженной информации неотделим от процесса ее получения: любые сведения могут быть использованы в уголовном процессе лишь после их процессуальной фиксации в материалах дела [1, с. 28; 2, с. 9]. Пока доказательство не закреплено, «нельзя утверждать, что доказательство действительно обнаружено, так как еще неизвестно, что именно обнаружено

и является ли действительно доказательством то, что обнаружено» [3, с. 302]. При таком подходе собирание доказательств определяется как «активная целенаправленная деятельность органа расследования, суда, состоящая в извлечении из следов, оставленных событием, фактических данных, относящихся к делу, в преобразовании и закреплении этих данных, т.е. в придании им надлежащей процессуальной формы» [4, с. 96]. При таком подходе фиксация доказательства выступает составной частью их собирания, завершающей процесс формирования доказательства. Сторонники данной концепции считают, что важнейшим свойством доказательства является его допустимость, в том числе соблюдение надлежащей процедуры получения. Доказательствами являются лишь сведения, полученные прямо предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом (УПК) способом. При этом только органы расследования и суд собирают (формируют) доказательства, никакие другие участники уголовного процесса подобными полномочиями не наделены, а представленные ими материалы не являются доказательствами.

Рассмотрим, насколько эта концепция применима при осуществлении уголовного преследования в частном порядке, когда такие субъекты собирания доказательств, как орган расследования и

прокурор отсутствуют. С позиций этой концепции полученные частным обвинителем, его представителем, обвиняемым, защитником сведения изначально не обладают и не могут обладать свойством допустимости, так как указанные субъекты не обладают полномочиями облекать в требуемую законом процессуальную форму относящуюся к делу информацию, то есть «формировать доказательства». Следовательно, ни сторона обвинения, ни сторона защиты соби́рание доказательств в делах частного обвинения не осуществляют, при этом они обладают только правом представлять доказательства, хотя этот термин тоже достаточно условен, поскольку представить доказательство можно только предварительно его собрав. С рассматриваемых позиций представление доказательств неофициальными участниками процесса есть пассивная форма получения доказательств судом, поскольку представление участниками процесса предметов и документов, имеющих, по их мнению, отношение к делу, еще не означает появления в деле доказательства: судья может признать эти объекты доказательствами, лишь убедившись в их относимости к обстоятельствам дела [5, с. 15]. Именно принятие процессуального решения о приобщении предмета и документа к делу представляет собой акт, констатирующий появление доказательства. Пока такое решение не принято, доказательство еще не существует, оно еще не получено. Поэтому, по мнению сторонников данного подхода, говоря о представлении доказательств, законодатель имеет в виду не доказательства, а лишь материальные объекты, несущие информацию о существенных обстоятельствах дела, фактически – «доказательственные материалы», которые только в будущем, в случае принятия их судом станут доказательствами.

Методом исключения приходим к выводу, что согласно рассматриваемой концепции в делах частного обвинения единственным субъектом соби́рания доказательств является суд. Однако подобное утверждение противоречит как основополагающим принципам уголовного процесса, так и сущности частного обвинения как особой категории уголовных дел. Обратимся к ст. 85 УПК: «доказывание состоит в соби́рании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса». В свою очередь, ст. 73 УПК

среди основных обстоятельств, подлежащих доказыванию, называет событие преступления и виновность лица в его совершении. Согласно ст. 14 УПК обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Применительно к частному обвинению, где обвинитель не может осуществлять соби́рание доказательств в силу отсутствия соответствующих полномочий, а единственный субъект, правомочный соби́рать доказательства – это суд, рассматриваемая концепция ведет к парадоксальному выводу – обязанность доказывания обвинения лежит на суде. Но такое утверждение, противоречащее ст. 15 УПК, является абсурдным.

Как указывает Конституционный Суд РФ, производство по делам частного обвинения «предполагает разграничение функции отправления правосудия, возложенной на суд и функции обвинения, реализуемой потерпевшим <...> Основопологающий признак состязательности, а именно разграничение полномочий по разрешению дела и поддержанию обвинения, под сомнение не ставится. Суд <...> не наделяется по делам данной категории какими бы то ни было иными полномочиями, выходящими за пределы <...> функции правосудия»¹. Представление о суде как единственном субъекте соби́рания доказательств в делах частного обвинения неминуемо выводит его за пределы функции осуществления правосудия и вынуждает его доказывать вину либо невиновность обвиняемого. Это обстоятельство заставляет признавать за сторонами право на соби́рание доказательств, как минимум, в делах частного обвинения.

Большинство правоведов сходятся на том, что частное обвинение представляет собой институт уголовного процесса, в котором в наибольшей степени проявляются свойственные гражданскому процессу диспозитивность и состязательность. В условиях, когда уголовное преследование

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 №1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета. – 2000. – № 23. – 2 февр.

осуществляет частный обвинитель, отсутствие у сторон полномочий по собиранию доказательств ставит под сомнение наличие и состязательности. Как частный обвинитель может эффективно выполнить лежащую на нем обязанность доказывания, если он лишен важнейшего полномочия, входящего в структуру доказывания, а все собранные им «доказательственные материалы» изначально не обладают свойством допустимости, поскольку получены неуправомоченным субъектом, в отсутствие соблюдения предусмотренной законом процедуры?

Очевидно, что концепция формирования доказательств в уголовном процессе обусловлена наличием в нем досудебной части, основное содержание которой и заключается в поиске, обнаружении и закреплении сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, в целях их последующего использования для обоснования обвинения в суде. Не имеющее аналогичной досудебной части гражданское судопроизводство не нуждается в придании доказательствам какой-либо процессуальной формы, поскольку суд является единственным субъектом, непосредственно получающим сведения об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения судебного спора, от (из) их источников. Гражданский процессуальный кодекс (ГПК) закрепляет лишь допустимые виды доказательств (объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей и т.д.). Доказательства в гражданском процессе никто не формирует. Суд получает от сторон доказательства, имеющие определенную форму, его задача – проверить и оценить достоверность содержащейся в них информации и принять решение в соответствии с законом.

Информационный подход к понятию доказательства отчетливо прослеживается во всех процессуальных кодексах. Формулировки ст. 55 ГПК и ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) (доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела) почти дословно воспроизводят определение доказательства, содержащееся в

ст. 74 УПК. И это не случайно: все названные виды судопроизводства являются способами осуществления правосудия, которое опирается на общие для всех его видов конституционные принципы и нуждается в едином подходе к доказательствам, которыми обосновываются его акты. Более того, особая исковая природа дел частного обвинения, исторически обусловленная схожесть производства по ним с гражданским процессом сближает процесс доказывания по делам частного обвинения с доказыванием по гражданским делам больше, чем с доказыванием по всем остальным категориям уголовных дел [6]. Следовательно, не может быть столь разных подходов к понятию доказательства и процессу его собирания в делах частного обвинения и гражданских делах.

Важнейшая особенность дел частного обвинения заключается в упрощенной уголовно-процессуальной форме, которой присущи сжатые сроки, сокращение объема процессуальных действий, отсутствие и оптимизация отдельных стадий, процессуальных институтов и норм. Как указал Конституционный Суд РФ: «Законодатель, исходя из характера преступления, его общественной опасности, сочетания затрагиваемых преступлением общественных и индивидуальных интересов <...> вправе дифференцировать порядок производства по различным категориям уголовных дел, допуская включение в него элементов диспозитивности»². При этом пределы такой дифференциации находятся в компетенции законодателя, который в делах частного обвинения распространил их, в том числе, на институты доказательственного права. Так, например, учитывая, что объем доказательственной информации, требуемой для установления обстоятельств дела, как правило, является небольшим, законодатель возложил обязанность доказывания на частного обвинителя, практически отстранив официальные органы уголовного преследования от участия в доказывании (за исключением обязанности

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 №7-П «По делу о проверке конституционности положений ч.ч. 2 и 4 ст. 20, ч.6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // Российская газета. – 2005. – № 147. – 8 июля.

провести проверку сообщения о преступлении, поданного в органы предварительного расследования). Он также предоставил сторонам равные процессуальные возможности по доказыванию (в отличие от производства по делам публичного и частно-публичного обвинения, где процессуальный и организационный ресурс стороны обвинения несоизмерим с возможностями стороны защиты). Кроме того, в УПК не содержатся требования к процедуре собирания сторонами доказательств, представляемых суду по делам рассматриваемой категории. Очевидно, что упрощение законодателем порядка доказывания в делах частного обвинения обуславливает необходимость упрощенного подхода к институтам доказательственного права, т.е. отказ от чрезмерного усложнения процедуры собирания доказательств и требований к допустимости доказательств, собранных сторонами.

Концепция, согласно которой суд является единственным субъектом, собирающим доказательства в делах частного обвинения, принижает значение деятельности частного обвинителя и подсудимого, как с точки зрения мировых судей, так и с позиции сторон. Первые относятся к деятельности вторых с известной долей пренебрежения (о чем свидетельствуют данные проведенных авторами опросов и бесед с мировыми судьями). На наш взгляд, это связано с тем, что собираемые сторонами сведения мировые судьи изначально расценивают как не обладающими свойствами допустимости, относимости и достоверности в той степени, которая присуща материалам, собранным органами предварительного расследования. Хотя в гражданском процессе те же мировые судьи без всяких предубеждений принимают сведения, собранные сторонами за рамками процессуальной формы.

Как видим, концепция формирования доказательств неприменима к делам частного обвинения. Представляется, что при определении доказательства следует обратить внимание, в первую очередь, на его информационную суть, единую для всех отраслей так называемого «судебного права». Разумеется, сведения об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения уголовного дела, существуют не иначе как в виде (или в форме) показаний обвиняемого, подозреваемого и т.д. (ч. 2 ст. 74 УПК). Перечень этих видов доказательств принято отождествлять с формой

доказательств. Однако свойственное концепции формирования доказательств отождествление формы (вида) доказательства с формой собирания и закрепления полученных сведений имеет своим следствием включение процедуры следственного действия в понятие доказательства. В связи с этим происходит подмена понятия «доказательство» понятием «допустимое доказательство», а допустимыми признаются лишь доказательства, собранные (сформированные) органом расследования или судом.

Если отождествлять процедуру (форму) собирания доказательств с самими доказательствами как сведениями о доказываемых фактах под видом обеспечивающей их допустимость процессуальной формы, то нужно оценивать доказательство с точки зрения формального соответствия закону процедуры произведенного действия. В связи с этим в работах процессуалистов, исследовавших частное обвинение, указывается на несоблюдение сторонами требований, предъявляемых УПК к процессу формирования доказательств, и делается вывод о том, что стороны не могут собирать доказательства, так как у них отсутствуют полномочия по их формированию [7, с. 128; 8, с. 43–45]. Однако в делах рассматриваемой категории деятельность сторон по собиранию доказательств не подчинена правовой регламентации, в связи с чем на них не распространяется требование соблюдения каких-либо процессуальных норм. Представляемые ими предметы и документы получены в свободной от процессуальных предписаний форме, они заведомо не соответствуют и не могут соответствовать предъявляемым к процедуре следственных действий требованиям. Отсюда вывод: к доказательствам, собираемым сторонами в делах частного обвинения, не могут предъявляться требования, аналогичные предъявляемым к доказательствам, собираемым официальными участниками в делах публичного обвинения, но это не лишает их значения доказательств как допустимых аргументов в судебном споре.

Статьей 75 УПК установлено, что доказательства, полученные с нарушением требований УПК, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК. Исходя из этого, допустимые

доказательства (в том числе по делам частного обвинения) – это доказательства, полученные с соблюдением требований УПК. В науке сложилось представление о том, что критериями оценки допустимости доказательства являются: а) правомочность субъекта; б) надежность источника информации; в) законность способа получения доказательства; г) наличие требуемой по закону формы. Рассмотрим, имеются ли у доказательств, представляемых сторонами по делам частного обвинения, достаточные для использования в процессе доказывания признаки.

1. *Полномочность участника уголовного процесса на проведение действия по собиранию доказательств.* Частный обвинитель, его представитель, обвиняемый и защитник не вправе производить действия, отнесенные к компетенции государственных органов и должностных лиц. Однако полученные ими путем истребования или с согласия лиц справки, характеристики, иные документы, вещественные доказательства, заключения специалистов отвечают рассматриваемому критерию допустимости.

2. *Надежность источника доказательственной информации* обеспечивается его известностью, так как последняя обеспечивает возможность его проверки. В делах частного, так же как и публичного обвинения, не могут использоваться доказательства, источник которых не установлен.

3. *Соответствие закону процедуры получения сведений* о подлежащих доказыванию обстоятельствах в делах частного обвинения означает соблюдение как общих, так и частных правил собирания доказательств: принципов уголовного процесса, общих условий судебного разбирательства. Важнейшим критерием в данном случае является недопустимость нарушения прав и свобод граждан в ходе собирания информации.

4. *Наличие требуемой по закону формы.* В делах частного обвинения стороны имеют право собирать и представлять доказательства в виде иных документов, вещественных доказательств, заключений специалистов. Иные документы, которые собирают и представляют стороны – это различного рода справки, характеристики; фотографии, видеозаписи; документы, подтверждающие совершение действий по заглаживанию или возмещению причиненного преступлением вреда и т.п., полученные как от органов государ-

ственной власти и организаций, так и от граждан, включая частного обвинителя и обвиняемого. Все эти документы устанавливают определенные, имеющие значение для дела обстоятельства, и при этом они облечены в предусмотренную ч. 2 ст. 74 УПК форму. Стороны могут также представить различные предметы, в том числе орудия преступления, являющиеся по форме вещественными доказательствами, а также заключения специалистов.

Очевидно, что доказательства, собираемые сторонами по делам частного обвинения, могут соответствовать всем требованиям, предъявляемым законодателем к допустимым доказательствам. Следовательно, выведенная за рамки понятия доказательства процессуальная форма получения сведений в делах частного обвинения меняет привычные представления о допустимости доказательств. Допустимость доказательства не есть его имманентное свойство, изначально принадлежащее доказательству уже в момент его получения. Поскольку в делах частного обвинения, за исключением суда, нет субъектов, которым предоставлено право оценивать и проверять доказательства, вывод о допустимости есть сформулированный в процессуальном решении результат оценки судом имеющегося доказательства.

Концепция формирования доказательств, находящая свое обоснование в деятельности органов уголовного преследования, полностью утрачивает свои позиции при отсутствии в уголовном процессе стадии предварительного расследования. Никакого преобразования формы «доказательственные материалы», представляемые в суд сторонами по делам частного обвинения, не претерпевают. Принятие судом решения о приобщении к делу ничего к аргументирующей сущности собранных сведений не прибавляет, доказательственную ценность их не усиливает и более допустимыми, чем они являются, не делает. Безусловно, мировой судья может осуществлять проверку доказательств, собирая иные сведения, однако новые доказательства не отменяют сущности старых как самостоятельных доказательств. При таком подходе право сторон на «представление доказательств» получает новое толкование – не как «представление доказательственных материалов, которые в будущем могут стать доказательствами», а именно как «представление собранных

сторонами доказательств». В пользу такой трактовки говорит и соответствующая буквальная формулировка, используемая законодателем в п. 4 ч. 2 ст. 42, п. 4 ч. 4 ст. 47, ст. 244, ч. 5 ст. 246, ч. 5 ст. 321 УПК.

Более того, по делам частного обвинения, как и при подаче иска в гражданском процессе, потерпевший, как правило, прилагает к заявлению документы, обосновывающие его позицию (например, акт судебно-медицинского обследования). Закон не содержит никаких норм, обязывающих судью вынести отдельное постановление (определение) о приобщении таких доказательств к делу, либо указать на такое приобщение в постановлении о принятии заявления к производству. В ходе изучения судебной практики нами не было обнаружено ни одного дела, где судья осуществил бы подобные действия. Отсюда вывод: действующему законодательству и сложившейся судебной практике не противоречит ситуация, в которой мировой судья приобщает документы к делу в качестве доказательств (разумеется, вопрос об их достоверности на данном этапе не разрешается), при этом не осуществляя никаких действий по их формированию. В таком случае и ч. 2 ст. 319 УПК становится понятной и лишённой внутренних противоречий: «По ходатайству сторон мировой судья вправе оказать сторонам содействие в собирании таких *доказательств*, которые не могут быть получены ими самостоятельно». Данной формулировкой законодатель подчеркивает: стороны и сами могут собирать доказательства, однако в том случае, если у них недостаточно для этого полномочий (которые могут принадлежать только властно-распорядительным органам, но не частным лицам), суд может оказать им помощь. При этом, как указал Конституционный Суд РФ: «Оказывая сторонам помощь в собирании доказательств, которые не могут быть получены ими самостоятельно, судья <...> лишь разрешает ходатайство соответствующей стороны об истребовании и исследовании *указанного ею доказательства* (курсив наш), используя властные полномочия, которые в судебных стадиях уголовного судопроизводства имеются у него и отсутствуют у сторон» [9]. Выделенной формулировкой Конституционный Суд РФ подчеркивает, что доказательство уже имеется, поскольку оно определено стороной, выделено из окружающей

среды, и, следовательно, не нуждается в каком бы то ни было формировании (преобразовании).

В делах частного обвинения стороны представляют полученные ими доказательства непосредственно суду и именно суду предстоит определить, допустимы ли они, можно ли их использовать при разрешении дела. Поскольку перечисленные признаки характеризуют процесс скорее англосаксонского, чем романо-германского типа, представляется небесполезным рассмотреть подход к собиранию доказательств и их понятию в англо-саксонском уголовно-процессуальном праве.

В странах общего права процесс доказывания упрощенно выглядит следующим образом: после получения сообщения о преступлении орган уголовного преследования приступает к сбору первоначальных сведений. Собрав информацию, он направляет материалы обвинителю, тот сам (либо иной орган) предъявляет обвинение, как правило, гласно, публично, в судебном заседании, после чего стороны продолжают собирать доказательства для суда (при этом очевидно, что органы уголовного преследования «продолжают», а защита «начинает» собирать доказательства). При этом стороны не формируют доказательства в процессуальном смысле, а только выявляют их «источники», чтобы затем представить лиц, предметы и документы в судебное заседание, где сведения, полученные из этих источников, будут исследованы сторонами и судом с соблюдением принципа непосредственности. Доказательствами, которые могут быть положены в основу судебного решения, в данном типе процесса являются лишь судебные доказательства, т.е. сведения, извлеченные в судебном заседании судом из источников, выявленных сторонами обвинения и защиты. Следует, однако, отметить, что в текстах законодательных актов стран общего права отсутствует разделение понятий «источники доказательств» и «доказательства», единый термин «*evidence*» используется как для обозначения сведений, которые сторонам еще только предстоит представить суду, так и для обозначения сведений, изучаемых в ходе судебного заседания либо уже принятых (отвергнутых) судом [10; 11; 12]. Внимательное исследование статута позволяет сделать вывод, что под доказательством (*evidence*) понимается любая информация, которая допускается судьей

в качестве допустимой для подтверждения утверждений сторон. В странах англо-саксонского права субъектом собирания доказательств может быть любой орган государства, частный обвинитель, обвиняемый, защитник и другие участники судопроизводства. При этом сведения, собранные органами уголовного преследования, в дальнейшем не рассматриваются в качестве судебных доказательств, у них отсутствует какое-либо «преимущество» перед сведениями, собранными неофициальными участниками процесса. Кстати, сходную правовую позицию имеет и Европейский Суд по правам человека (дело «Мирилашвили против Российской Федерации»).

Многие отечественные процессуалисты, пользуясь категориями, заимствованными из процесса англо-саксонского типа, придерживаются концепции «судебных доказательств». Так, по мнению К.Б. Калиновского и А.В. Смирнова, в состязательном процессе легализация информации в качестве судебного доказательства должна проводиться перед лицом судебного органа в присутствии сторон [13, с. 50–51; 14, с. 84–85]. Эту мысль воспроизводит и А.И. Макаркин. «В состязательном процессе, – пишет он, – доказательственная информация может приобрести статус доказательства лишь в ходе исследования ее судом <...> Легализация доказательств имеет своим содержанием непосредственное восприятие судом информации, собранной сторонами в ходе их непроцессуальной деятельности, ее проверку и придание ей статуса судебных доказательств <...> Судебные доказательства образуются лишь в ходе судебной процедуры» [14, с. 34–35]. Следует также отметить, что в дореволюционной науке уголовного процесса различались доказательства, «добытые на предварительном расследовании», и «судебные».

Действительно, то, что стороны понимают и представляют суду, в том числе в делах частного обвинения, в качестве доказательств, не есть судебные доказательства. Представляемые сторонами сведения могут и не стать основанием для окончательных выводов суда, то есть не будут приняты в качестве доказательств для обоснования приговора. Окончательная оценка того или иного сведения как доказательства – прерогатива исключительно суда. Очевидно, что термин «доказательство», который применяется к сведениям,

которые представляют суду участники процесса, носит в значительной степени условный характер. Есть «доказательство», представленное стороной, которое должно быть получено, проверено и оценено судом. И есть «доказательство», как уже полученное, проверенное и оцененное судом сведение, обладающее, по мнению суда, свойствами допустимости, относимости и достоверности. Российский законодатель не проводит различие между указанными «оттенками» данного понятия. Так, например, в п. 2 ст. 307 УПК оно употребляется как для обозначения сведений, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, так и для сведений, которые суд отверг (признал недопустимыми, неотносимыми или недостоверными), т.е. в самой формулировке доказательства, употребляемой законодателем, заложен дуализм данного понятия.

Аналогичный дуалистический подход к понятию доказательства содержится и в ГПК. Так, в соответствии со ст. 55 ГПК доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. А согласно ч. 4 ст. 198 ГПК суд должен указать в решении доказательства, на которых основаны его выводы, а также доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства. При этом в науке гражданского процесса никто не оспаривает права сторон собирать доказательства для представления их суду. Спор о субъектах, собирающих доказательства, лишен смысла, поскольку суд только приобщает или не приобщает к материалам дела представленные сторонами доказательства, очевидно не преобразовывая их в какую-либо иную форму. В делах частного обвинения процедура и последствия «представления доказательств» аналогичны гражданско-процессуальным.

Предпринятый анализ процедуры собирания доказательств и понятия доказательства в делах частного обвинения позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в делах рассматриваемой категории круг субъектов, имеющих право собирания доказательств, не ограничивается судом. Несмотря на отсутствие в законе прямого

указания на право сторон собирать доказательства, все участники уголовного судопроизводства, наделенные законодателем статусом стороны, т.е. частный обвинитель, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, обвиняемый и защитник являются полноценными субъектами доказывания, обладающими полномочиями по сборанию доказательств, а также обоснованию своего мнения по поводу обстоятельств, подлежащих доказыванию. Во-вторых, поскольку законом не установлены требования к процедуре собирания доказательств в делах частного обвинения, сведения, собранные сторонами, признаются доказательствами в той же мере, что и результаты доказательственной деятельности официальных участников процесса в делах публичного обвинения. Помимо тех доказательств, которые могут быть получены только в установленном законом порядке (показания потерпевшего, обвиняемого, свидетелей, заключения эксперта), в качестве средств доказывания допускается любая информация, полученная сторонами в свободной от процессуальных предписаний форме, относимость, допустимость и достоверность которой проверяется судом в ходе судебного следствия.

Таким образом, в «чисто» состязательном уголовном процессе институты доказательственного права не могут быть поняты на основе теоретических конструкций, выработанных для иного судопроизводства и в условиях иной реальности. При этом не следует забывать, что судопроизводство по делам частного обвинения является лишь одним из видов отечественного уголовного процесса, который осуществляется по общим для всех его разновидностей уголовно-процессуальным принципам. В связи с этим напрашивается вывод, что не может быть столь разных подходов к пониманию доказательства в делах частного и

публичного обвинения. Следовательно, рассмотренные особенности доказывания позволяют и в делах публичного обвинения отойти от концепции формирования доказательств как единственно возможного способа их собирания.

Список литературы

1. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. – М., 2005. – С. 28.
2. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. – М., 1996. – С. 9.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – Т.1. – М.: Наука, 1968. – С. 302.
4. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: Норма, 2008. – С. 96.
5. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. – М., 1964. – С. 15.
6. Жирова М.Ю. Исковая природа частного обвинения // Вестник СамГУ. – 2011. – № 4 (85). – С. 289–295.
7. Шапошников В.Л. Проблемы собирания доказательств стороной обвинения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2005. – С. 128.
8. Михайловская И.Б. Уголовное судопроизводство в мировом суде: учеб. пособие. – М.: ТК ВЕЛБИ, Проспект, 2003. – С. 43–45.
9. Police and Criminal Evidence Act 1984 (британский Акт о полиции и доказательствах по уголовным делам). – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/contents> (дата обращения 02.10.2012).
10. Federal Rules of Evidence (Федеральные правила о доказательствах США). – URL: <http://www.law.cornell.edu/rules/fre/> (дата обращения 02.10.2012).
11. Evidence Act 1995 (австралийский Акт о доказательствах). – URL: http://www.comlaw.gov.au/Details/C2011C00929/Html/Text#_Toc310590593 (дата обращения 02.10.2012).
12. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. – СПб., 2000. – С. 50–51.
13. Калиновский К.Б. Законность и типы уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999. – С. 84–85.
14. Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – С. 34–35.

В редакцию материал поступил 11.10.12

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет
 Адрес: 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, тел.: (846) 278-09-63
 E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Жирова Марина Юрьевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет
 Адрес: 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, тел.: (846) 278-09-63
 E-mail: electbroom@rambler.ru

V.A. LAZAREVA,
Doctor of Law, Professor,

M.YU. ZHIROVA,
PhD (Law), Senior Lecturer
Samara State University

THEORETICAL ISSUES OF PROVING IN THE ASPECT OF SPECIFIC PROCEDURE IN PRIVATE PROSECUTION CASES

The article views the existing in criminal and civil procedure concepts of proving from the point of view of the clearest proving in private prosecution cases. It is revealed that the right to gather evidence in such cases belongs to all participants of cases which have the status of a party, while the evidence gathered by them cannot be lodged with the same requirements as the evidence gathered by official participants in public prosecution cases.

Key words: private court action; criminal court action; civil procedure; forming out of evidence; antagonistic symbol of court procedure.

References

1. Belkin A.R. *Teoriya dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve* (Theory of proving in criminal court action). Moscow, 2005, p. 28.
2. Dolya E.A. *Ispol'zovanie v dokazyvanii rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* (Using the results of operative-research activity for proving). Moscow, 1996, p. 9.
3. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugovnogo protsesssa* (A course of Soviet criminal procedure). Moscow: Nauka, 1968, p. 302.
4. Sheifer S.A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* (Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation). Moscow: Norma, 2008, p. 96.
5. Arsen'ev V.D. *Voprosy obshchei teorii sudebnykh dokazatel'stv* (Issues of general theory of court evidence). Moscow, 1964, p. 15.
6. Zhirova M.Yu. *Iskovaya priroda chastnogo obvineniya* (Act ional nature of private prosecution), *Vestnik SamGU*, 2011, No. 4 (85), pp. 289–295.
7. Shaposhnikov V.L. *Problemy sobiraniya dokazatel'stv storonoi obvineniya v ugovnom protsesse Rossii* (Issues of gathering evidence by prosecution party in the Russian criminal procedure). Volgograd, 2005, p. 128.
8. Mikhailovskaya I.B. *Ugovnoe sudoproizvodstvo v mirovom sude* (Criminal court action in justice's court). Moscow: TK VELBI, Prospekt, 2003, pp. 43–45.
9. *Police and Criminal Evidence Act 1984 (britanskii Akt o politzii i dokazatel'stvakh po ugovnym delam)* (British Act on Police and Criminal Evidence), available at: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/contents> (data obrashcheniya 02.10.2012).
10. *Federal Rules of Evidence (Federal'nye pravila o dokazatel'stvakh SShA)* (The USA Federal Rules of Evidence), available at: <http://www.law.cornell.edu/rules/fre/> (data obrashcheniya 02.10.2012).
11. *Evidence Act 1995 (avstraliiskii Akt o dokazatel'stvakh)* (Australia Evidence Act), available at: http://www.comlaw.gov.au/Details/C2011C00929/Html/Text#_Toc310590593 (data obrashcheniya 02.10.2012).
12. Smirnov A.V. *Modeli ugovnogo protsesssa* (Models of criminal procedure). Saint Petersburg., 2000, pp. 50–51.
13. Kalinovskii K.B. *Zakonnost' i tipy ugovnogo protsesssa* (Lawfulness and types of criminal procedure). Saint Petersburg, 1999, pp. 84–85.
14. Makarkin A.I. *Sostyazatel'nost' na predvaritel'nom sledstvii* (Competition at preliminary investigation). Saint Petersburg, 2004, pp. 34–35.

Information about the authors

Lazareva Valentina Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminology, Samara State University

Address: 1 Akademika Pavlova Str., 443011, Samara, tel.: (846) 278-09-63

E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Zhirova Marina Yuryevna, PhD (Law), Senior Lecturer of the Chair of Criminal Procedure and Criminology, Samara State University

Address: 1 Akademika Pavlova Str., 443011, Samara, tel.: (846) 278-09-63

E-mail: electbroom@rambler.ru